

Туркестанском крае (Хронологическая справка). – *Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го*. М.: Типо-литография Т-ва Кушнерев и К°. С. 140-161.

Сумарокова О.Л. 2015. *Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (по материалам Киргизстана)*. Бишкек: Изд-во КРСУ. 265 с.

SUMAROKOVA Olga Leonidovna, *Cand.Sci.(Hist.)*, Doctoral Candidate, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin (44 Kievskaya St, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000; futureya@rambler.ru)

TO THE QUESTION OF LINGUISTIC TRAINING OF ADMINISTRATIVE OFFICIALS OF TURKESTAN

Abstract. The article discusses the situation in the Turkestan due to lack of qualified personnel with knowledge of languages of indigenous peoples to serve in administrative and judicial spheres of the province. Resorting to the service of local interpreters and repeatedly stating the facts of their unsatisfactory execution, administrators of the region were in constant search of new forms and methods of attracting attention of officials of Turkestan to the languages of indigenous peoples. However, efforts in this direction did not bring expected results that determined undermining the authority of Russian power in the eyes of the local population, and inhibited Kulturträger ambitions of the Russian Empire focused on the modernization of the region. The article discusses the causes of indifference of Russian officials to the linguistic and extra-linguistic issues as well as inconsistency of the authorities in dealing with the current circumstances.

Keywords: Turkestan, Russian Empire, administrative employees, officials, language training, interpreters, translators, native languages, soft power

УДК 94(510)08+303

КУРАС Леонид Владимирович – д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kuraslv@yandex.ru)

ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ ЦИН: ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. В статье рассматривается внутренняя политика династии Цин и взаимоотношения органов власти Китая и Внутренней Монголии в период маньчжурской династии, изучается особый режим власти. Отмечается, что в условиях возрастания интереса России и Японии к региону и роста влияния буддизма во Внутренней Монголии сформировался специфический тип общественно-политических отношений.

Ключевые слова: Монгольская империя, Китай, империя Цин, Внутренняя Монголия, Внешняя Монголия, Российская империя, Синьхайская революция

Проблема вертикали власти в Цинской империи является объектом изучения современной отечественной историографии. При этом упор делается на систему управления Внешней Монголии [Бадараев 2015]. Между тем Внутренняя Монголия имела свою, отличную от Внешней Монголии специфику во внутренней политике Цинской империи и уже потому требует специального внимания.

В конце XVI в. начинается формирование маньчжурского военно-феодального государства, завоевательная политика которого затрагивает интересы монгольских феодалов. Маньчжуры умело использовали феодальную раздробленность Монголии, подкупали одних монгольских князей, завоевывали других и в первые десятилетия XVII в. подчинили себе Южную Монголию, которая стала именоваться Внутренней Монголией, в отличие от княжеств северной и западной частей страны, остававшихся независимыми и получивших наименование Внешней Монголии (Халха) [Скрынникова 1988: 7]. Внутренняя Монголия получила название Цин – Чистая. Именно под этим названием маньчжурская династия правила в Китае с 1644 г. (захват Пекина) до 1911 г. (Синьхайская революция).

Укрепившись в Южной Монголии, маньчжуры активизировали свои попытки подчинения халхаских княжеств (Северная Монголия), которые еще 50 лет сохраняли свою независимость. Но в 1689 г. на своем съезде они были вынуждены признать маньчжурское господство. Церемония принятия халхасов под власть маньчжуров совершилась в Долон-нуре (Долонорский сейм) в 1691 г. в присутствии маньчжурского императора Канси, после чего Северная Монголия потеряла свою самостоятельность.

Маньчжуры реорганизовали институты управления степными племенами, включив монголов в военно-административную систему империи. Из племен были созданы «знамена» (ци), монгольские ханы и старейшины принимались на службу и получали чиновничьи титулы. Для управления делами монголов было организовано специальное ведомство и введено специальное Уложение, регламентировавшее правила поведения кочевников. Маньчжуры использовали разные способы контроля над номадами: брачные союзы с ханами, институт заложничества, конкуренцию между племенами, переселение на север китайцев и поощрение оседлости.

Не последнюю роль в политике маньчжуров играл буддизм. В 1586 г. на месте развалин Каракорума был основан первый буддийский монастырь Эрдени-Дзу. Сначала новую религию приняла элита. Простые номады были равнодушны к «желтой вере» (так монголы называли буддизм – по цвету одежды его монахов). Однако в период правления Цин в Монголии роль буддизма резко выросла, т.к. он помогал в решении извечной для китайских империй проблемы замирения кочевников.

Номады стали вовлекаться в процессы рыночного обмена. Но китайские торговцы сознательно занижали стоимость скотоводческой продукции, поставляя кочевникам товары низкого качества. Поскольку у скотоводов не хватало наличных денег, жители Поднебесной с легкостью давали им средства займа под высокие проценты, что приводило к разорению степняков. Элита поощряла такое положение дел, поскольку пользовалась у китайцев неограниченным кредитом. В целом скотоводческое хозяйство было вынуждено приспособляться к новым экономическим реалиям и ориентироваться на внешний рынок. С этого времени номады оказались вытесненными с авансцены мировой истории.

Территория Внутренней Монголии простирались от границ Маньчжурии к западу до Аньсичжоу (регион, граничащий с Синьцзяном) и от Китайской стены до Гоби (Шамо) и Амура. Она состояла из 25 аймаков [Бичурин 1828: 130]. После 10 лет существования Внутренней Монголии в составе Китая цинское правительство в 1644–1661 гг. начало объединение некоторых хошунов в сеймы – Чжирим, Чжосот, Силингол, Уланцаб и Ихэчжоу. Сеймы имели ограниченную самостоятельность и не могли принимать политические решения самостоятельно [Автономный район... 1980: 10]. В 1653 г. между Халхой и

Южной Монголией была установлена граница, которая сохранялась и после присоединения Халхи [Ермаченко 1974: 141]. Это позволяло сдерживать набеги кочевников из Внешней Монголии до ее полного включения в состав Китая.

Именно в этот период Внутренняя Монголия была включена в состав Китая как особая административная единица. Для управления землями Внутренней Монголии в XVII в. потребовалось создание особого органа – Лифаньюань (Палата внешних сношений, или Палата по делам зависимых территорий). Этот орган полностью формировался из членов маньчжурской восьмизнаменной армии. Уложение Лифаньюаня определяло положение Внутренней Монголии как более близкое к внутренним провинциям Китая, чем Халха. Культурные, экономические и политические связи Внутренней Монголии были включены в структуру административного аппарата Китая. Внутренняя Монголия имела статус провинции, тогда как Халха находилась с Китаем в вассальных отношениях.

Вся территория Монголии после ее включения в состав Цинской империи была поделена на административные единицы – знамена, или хошуны. Знамя формировалось как военно-административная единица и в него включались войска. Главы родов выступали в виде местной администрации. Каждое знамя управлялось титулованным лицом, которое в свою очередь присягало на верность Цинской администрации. С целью ослабления Внутренней Монголии цинское правительство провело 3 административных реформы (1691, 1741 и 1765 гг.), что увеличило число административных единиц в регионе. В 1789 г. цинская администрация полностью запретила князьям менять знамена, а жителям Внутренней Монголии – переходить из одного хошуна в другой без специального разрешения [Границы Китая... 2001: 260]. Эти меры позволяли не допускать усиления или объединения монгольских князей, а также препятствовали переходу подданных в другие знамена. Такая модель управления эффективно контролировала баланс сил во Внутренней Монголии, торговые отношения и общество и позволила встроить эту часть Монголии в политическую и экономическую структуру Китая. В то же время она усложнила межэтнические взаимодействия, которые серьезно отражались на экономике региона. Система базировалась на двух принципах: политике и языке, которые определялись политикой «соотношения силы с императорской добродетелью». С одной стороны, это понималось как административное управление, а с другой – как «консервативное правление с помощью традиций», т.е. обеспечивалось сохранение языка и культурных особенностей. Подобные подходы цинской администрации к управлению отражали важнейший принцип традиционной политики гармонизации общества.

В начале XIX в. Южная Монголия и Халха, несмотря на то что они являлись частью Китая, имели разные политические свободы. Халха обладала более широкими политическими свободами, чем Внутренняя Монголия. Такая ситуация объяснялась тем, что Халха была более удалена от политического центра, чем Южная Монголия, а также тем, что там находился малый контингент войск. Социальная же структура Внутренней и Внешней Монголии в это время была идентичной.

Китай предоставлял титулы семье хана Внутренней Монголии и всем его родственникам. К 1800 г. цинские титулы имели практически все князья знамен. Это позволило Китаю контролировать деятельность князей, а также приобщить их к китайской политической культуре, которая оказала воздействие не только на монгольских князей, но и на ламаистскую церковь, которая получила в XIX в. мощное развитие. Толчком для этого стала ситуация, при кото-

рой ламаистские храмы стали играть роль не только религиозных центров, но и отправных точек развития городских культурных центров, в которых была сосредоточена городская торговля. Это способствовало увеличению числа ламаистских храмов, численность которых к началу XX в. достигла 1 000 во Внутренней и 750 во Внешней Монголии. Тем самым влияние ламаистской церкви во Внутренней Монголии усилилось, и цинская администрация уже не могла полностью контролировать ее деятельность. Опасения администрации также вызывал тот факт, что постепенно происходило сближение знатных семей с ламаистской церковью. Поэтому цинское правительство не поддерживало реинкарнацию в богатых семьях.

В течение всего XIX в. происходил рост различий в развитии между Внутренней и Внешней Монголией. Халха имела более широкие политические свободы, ее экономическая система была слабо интегрирована в общий китайский рынок, а присутствие военного контингента и ханьского населения на территории Внешней Монголии было не столь значимым, как во Внутренней Монголии. Именно поэтому в XIX в. из-за призыва цинских чиновников началось массовое переселение ханьцев в данный регион. К середине XIX в. во Внутренней Монголии проживали уже около миллиона ханьцев и примерно столько же монголов [Потанин 1910: 47].

К концу XIX в. династия Цин продолжила колонизацию земель Внутренней Монголии, что было связано с необходимостью усиления окраин государства ввиду распространения влияния Российской империи. Уже с 1880 г. в некоторых городах Внутренней Монголии появились пункты, которые занимались переселением туда китайцев. К 1902 г. переселенческая сеть была распространена в крупных городах региона, а позднее в Суйбане было создано центральное управление [Автономный район... 1980: 14]. Ханьские переселенцы занимали лучшие земли, изгоняя с них монголов-скотоводов. Это спровоцировало волну недовольства среди монгольского населения, что позднее вылилось в межэтническую напряженность и антиманьчжурское движение.

В конце XIX в. цинская администрация начинает проводить более гибкую политику по отношению к Халхе, Внутренней Монголии, Тибету и Синьцзяну, что повлияло на активность политических сил в этих регионах. Это было обусловлено поражением Китая в опиумных войнах, колонизацией западными странами и усилением влияния Японии. В этой связи и в Халхе, и во Внутренней Монголии цинское правительство использовало местные правящие элиты для управления территориями. Но в обмен на предоставление более широкой автономии монгольские ламы и князья должны были получать соответствующее разрешение от цинского правительства на официальное управление. Такая политика по отношению к этим регионам называлась «ослаблением повода». К началу XX в. империя Цин имела множество государственных проблем, связанных с оккупацией, нарастающей мощью Японии и потерей части территории после японо-китайской войны. Все это привело к обнародованию в августе 1901 г. указа о проведении реформ, получивших название новой политики. В 1902 г. цинское правительство начало проводить политику в отношении всей Монголии, которая получила название «реальная сторона иммиграции». В соответствии с этой политикой все ханьцы, проживающие во Внутренней и Внешней Монголии, были обязаны осваивать новые земли, а также инициировалась дополнительная миграция ханьцев в эти регионы. С 1902 по 1904 гг. в восточных и западных частях Монголии ханьцы освоили более 32 000 000 му земельных наделов (1 му = 60 кв. м) и приобрели территорий для земледелия более чем на 6 500 000 серебряных лянов (1 лян серебряный = 31 г серебра) [История Китая 2007: 357].

В начале XX в. одной из острейших проблем в китайском обществе стала система образования, которая уже с середины XIX в. показала свою неэффективность. Поэтому «новая политика» цинской империи была также сфокусирована на реформировании образования. В частности, во Внутренней Монголии у ламаистских церквей отбирались земли и передавались школам, что вызвало недовольство ламаистского духовенства. С 1902 по 1906 г. в соответствии с реформой образования утвердилось положение, которое получило название «продвижение родного места» – сянту. В его основу было положено обучение в начальных классах в районах проживания национальных меньшинств на родном языке. Цинская администрация полагала, что это позволит учащимся установить связь между их родным местом и нацией в целом, что поможет избежать назревания восстаний и революций. Такая политика была вполне эффективной для Внутренней Монголии, где население по большей части было моноэтничным. Однако, например, на юге Китая эта реформа потерпела крах, т.к. там проживали множество малых народностей и проведение политики только в отношении больших национальных групп вызвало недовольство у остальных народов. Ханьская миграция как важный элемент «новой политики» усилила межэтническую напряженность в регионе, нанесла вред монгольским традиционным производственным силам и не способствовала укреплению границ.

Ламаистская церковь стала распространять призывы к независимости Внешней Монголии от Китая. Из-за недовольства местной властью, которая полностью была подчинена цинскому правительству, в 1905 г. в Чжалайтском хошуне Чжиримского сейма началось антикитайское движение аратов. Они требовали от местных властей вернуть им землю, распроданную ханьским переселенцам. В противном случае многие скотоводы грозились переселиться в Халху. Это движение положило начало массовым антикитайским выступлениям и погромам в сейме Чжирим [Автономный район... 1980: 16]. В 1907 г. земли аймака Чжирим были разделены между тремя вновь образованными провинциями – Ляонин; Гирин, или Цзилинь; Хэйлунцзян. В планах также было дальнейшее территориальное реформирование Внутренней Монголии, но этому помешала Синьхайская революция.

Усиление политической независимости Внешней Монголии началось в середине XIX в., когда она попала в сферу национальных интересов Российской империи. В начале XX в. на территории Внешней Монголии также начал активно функционировать западный капитал, что в 1907 г. привело к появлению в Урге первой английской фирмы. Цинские власти не смогли сдержать проникновение капитала западных держав. В Халхе были обнаружены большие рудные запасы, а также разведаны золотые прииски. При слабости государственного контроля над Халхой западные компании начали направлять капитал в Ургу. Эти факторы привели к увеличению ее политической и экономической независимости не только от Китая, но и от Внутренней Монголии. Если Внешняя Монголия была сферой интересов Российской империи, то Внутренняя Монголия к 1905 г., особенно ее восточная часть, стала сферой интересов Японии, которая распространяла свое влияние в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове [Богословский, Москалев 1984: 18].

Хаос, который охватил политическую систему Цинской империи, а также множество проблем, с которыми страна не смогла справиться, привели к социально-политическому взрыву, который осенью 1911 г. уничтожил империю [История Китая 2007: 356]. Победа Синьхайской революции привела Китай не только к социально-политическим, но и к территориальным изменениям – Внешняя Монголия преобразуется в независимую монархию, Тибет обретает независимость. Переходу власти во Внешней Монголии в руки монгольских князей и

высшего духовенства способствовали многие обстоятельства, в том числе растерянность находившихся здесь немногочисленных маньчжуро-китайских войск, отсутствие значительного постоянного ханьского населения (волна колонизации не дошла до Внешней Монголии), поддержка со стороны царской России, которая была заинтересована в «самоуправлении» Внешней Монголии и, безусловно, сильные антикитайские настроения среди трудовых масс, многие десятилетия страдавших от грабежа, притеснений и издевательств со стороны солдат, чиновников, купцов и ростовщиков Цинской империи [Богословский, Москалев 1984: 26].

16 декабря 1911 г. на ханский престол был возведен Богдо-гэгэн VIII, а к осени 1912 г. власть его правительства уже распространялась на Внешнюю Монголию. Япония, добившись контроля над Ляодунским полуостровом и Маньчжурией, постепенно усиливала свои позиции в восточной части Внутренней Монголии. Шла борьба за сферы влияния, итогом которой стали русско-японские соглашения о разделе сфер влияния, подписанные в 1907 и 1910 гг. [Лузянин 2000: 45]. Столкновение интересов двух держав в этом регионе привело к подписанию 8 июля 1912 г. русско-японского соглашения, согласно которому Внутренняя Монголия была поделена на сферы влияния: западная часть отошла Российской империи, восточная — Японии. Более того, Синьхайская революция спровоцировала возникновение на Севере Китая мощного периферийного движения, которое помогло Халхе сломить китайское влияние и получить независимость. Внутренние социально-политические факторы обусловили изменение обстановки и во Внутренней Монголии. Действия национально-патриотического движения не были там столь же успешными, как во Внешней Монголии. Во-первых, Внутренняя Монголия не представляла собой единое целое ни в хозяйственном (часть монголов уже стали земледельцами), ни в политико-административном отношениях [Богословский, Москалев 1984: 26], поэтому консолидация политических сил была достаточно проблематичной. Во-вторых, на территории Внутренней Монголии продолжали службу китайские военные силы, которые подавляли любые попытки восстания и поддерживали ханьское население. В-третьих, во Внешней Монголии сохранилось больше черт традиционного монгольского общества, чем во Внутренней Монголии. Внутренней Монголии в городах торговля заменила кочевой образ жизни. Она стала основой социальных отношений, и в нее были включены не только князья, но и ламаистское духовенство. В-четвертых, южномонгольские князья были глубже включены в систему коррупционных отношений с цинской администрацией, чем князья Халхи. Это позволило Китаю манипулировать политически зависимыми элитами Внутренней Монголии и не допустить политического объединения князей. В-пятых, Внутренняя Монголия «защищала» Халху от китайской колонизации, которая началась примерно с середины XIX в. Поэтому общество Внешней Монголии подверглось меньшей трансформации, чем общество Внутренней Монголии. Вышеупомянутые факторы сформировали определенный тип общественно-политических отношений во Внутренней Монголии, при котором политическое влияние Пекина было достаточно сильным, а земледелие, развитое китайской иммиграцией, стало доминировать над кочевым образом жизни и оказывать на него существенное влияние. Такая ситуация, по мнению американского монголоведа Оуэна Латтимора, привела к новому витку национализма во Внутренней Монголии, который затем стал основой повстанческого движения. Это в конечном итоге привело к выделению особого административного района в составе Китая.

Таким образом, с XVII по XX в. Внутренняя Монголия играла весомую роль в политической и торговой жизни севера Китайской империи. Китайская поли-

тика в этот период менялась от умиротворения северного соседа до полного подчинения территории китайскому правительству, когда Внутренняя Монголия сохраняла политическую зависимость от Китая.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ № 14-18-99552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики (под ред. Б. Ширендыба, М.И. Сладковского). 1980. М.: Наука. 158 с.

Бадараев Д.Д. 2015. Вертикаль власти в системе управления на территории Внешней Монголии в Цинской империи. — *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. Т. 14. С. 67-74.

Бичурин Н.Я. 1828. *Записки о Монголии*. СПб. Т. 1. 339 с.

Богословский В.А., Москалев А.А. 1984. *Национальный вопрос в Китае (1911–1949)*. М.: Наука. 263 с.

Границы Китая: история формирования (под. ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова, А.А. Бокщанина). 2001. М.: Памятники исторической мысли. 470 с.

Ермаченко И.С. 1974. *Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.* М.: Наука. 161 с.

История Китая: учебник для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям. 4-е изд. (под. ред. А.В. Меликсетова). 2007. М.: Высшая школа. 736 с.

Лузянин С.Г. 2000. *Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: политические взаимоотношения в 1911–1946 гг.* М.: Огни. 320 с.

Потанин Г.Н. *Путешествия Г.Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю*. 2-е изд. 1910. СПб: Изд. А.Ф. Девриена. 227 с.

Скрынникова Т.Д. 1988. *Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия. XVI – начало XX века*. Новосибирск: Наука. 104 с.

KURAS Leonid Vladimirovich, Dr.Sci.(Hist.), Professor, Senior Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 67004; kuraslv@yandex.ru)

INNER MONGOLIA AS A PART OF THE QING EMPIRE: POWER AND SOCIETY (the 18th – the beginning of the 20th century)

Abstract. The article examines the internal policy of the Qing dynasty and the process of relationships of authorities in China and Inner Mongolia in the period of the Manchu dynasty. The author points out that in conditions of the great interest of Russia and Japan for the region and the extensive influence of Buddhism specific type of socio-political relationships in Inner Mongolia has developed.

Keywords: Mongolian Empire, China, Qing dynasty, Inner Mongolia, Outer Mongolia, Russian Empire, Xinhai Revolution